

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ ПСИХОЛОГА В КОНСУЛЬТИРОВАНИИ: ДВА СЛУЧАЯ ИЗ ПРАКТИКИ

И. М. КОГАН

На примере двух консультаций предпринята попытка показать роль личности психолога, его ценностной позиции в консультировании. Представлен негативный и позитивный результат двух консультаций, решающий исход которых был определен различной ценностной позицией психолога. Показан опыт построения диалога в консультировании: рассмотрены условия, при которых стал возможным позитивный результат и рождение исцеляющего слова.

Ключевые слова: ценностная позиция, ценностная нейтральность, присвоение «двойника», диалог, «духовное Я», исцеляющее слово.

В литературе, посвященной вопросам психотерапии и консультирования, совсем немного работ, описывающих влияние личности психолога, его мировоззрения, ценностной позиции на личность клиента и на сам процесс оказания психологической помощи. Два представленных случая помогают прояснить этот вопрос, весьма актуальный, так как ценностно-нейтральное понимание психологической помощи создает ситуацию, в которой решение одних проблем личности приводит к возникновению других проблем, лежащих на более глубоком уровне, чем первые.

Представленные два случая имели место в ходе учебных ситуаций, поэтому вынесенные проблемы, на первый взгляд, не кажутся столь драматичными, однако они составляют реальность нашей жизни. Для нас они явились материалом, который ясно проиллюстрировал значимость мировоззрения психолога при оказании психологической помощи. Несмотря на неоднородность проблематики и форму, в которой представлены эти случаи, они иллюстрируют настойчивый поиск человеком пути к самому себе, к своему высшему Я. Препятствием или помощью на этом пути явилась ценностная позиция психолога, что и будет предметом нашего рассмотрения.

Случай 1. «Путь к себе»

Этот случай может послужить примером попытки прорваться к себе сквозь наслоившееся присвоение субъективного мира другого.

На консультацию пришла молодая беременная женщина. Она живет с мужчиной, отцом ребенка. Ее беспокойство состояло в том, что будучи на пятом месяце беременности, она с легкостью отклоняла, сама себе удивляясь, неоднократные предложения со стороны отца ребенка вступить в законный брак. Она чувствовала, что что-то мешает ей сделать шаг навстречу. На вопрос, почему она отказывается от брака, она ответила не попыткой разобраться в своих и его чувствах, в их отношениях, но почему-то рассказала следующую историю.

Ее взаимоотношения с мужчинами всегда заканчивались тем, что ее бросали. Объясняла она это тем, что всегда влюблялась по уши, отдавая всю себя, очень привязывалась к мужчинам, после чего они ее оставляли. Так случалось не один раз, и у нее выработался страх быть брошенной. Отдыхая на юге, она обратилась с этой проблемой к психологу. Как она рассказывает, тот посоветовал ей флиртовать сразу с несколькими мужчинами, ни к кому особо не привязываясь. Она попробовала, и у нее получилось. После этого она почувствовала свою власть над ними и страх исчез. Свою задачу психолог выполнил. Она избавилась от страха быть брошенной. Избавилась до такой степени, что с легкостью отказывается вступать в брак с отцом своего будущего ребенка. Теперь ее страшит другое: она какой-то частью своей души чувствует, что ситуация требует разрешения в сторону создания и сохранения семьи. Теперь не страх быть оставленной, а отсутствие ответственности за будущее трех человек тревожит ее. И этот страх вполне оправдан: безответственность, которая возникла взамен исчезнувшему страху, стала причиной ее беспоконья.

В чем корни этой тревоги? Предчувствие, что нарушены духовные законы, иначе можно сказать, совершен грех, может быть источником тревоги, даже если человек этого не осознает (Колпакова, 2003). По словам пациентки, ее беспокоит, что она не хочет вступать в брак, хотя чувствует, что следует это сделать. Вступление в брак — это согласие на верность, принятие другого в свою жизнь, преданность. Тревога есть свидетельство нарушения этого закона.

То что женщина, осознанно или неосознанно, ассоциировала возникновение своей тревоги с терапевтическим снятием страха, свидетельствует о существенной взаимосвязи этих событий. Вероятно, страх быть брошенной из-за «растворения» в другом сменился страхом вступить в глубокие личные отношения, который препятствует ей вступить в брак.

Бесспорным является факт, что ни к чему не обязывающие отношения, недолговечные связи, предложенные специалистом, зафиксировались в сознании как способ борьбы со страхом и, самое главное, как вполне оправданная, рекомендованная жизненная позиция, ценность, входящая в картину мира. Можно ли снимать страхи таким противоэкономным, с духовной точки зрения, способом? Тем более, что снятие одного страха — «быть брошенной» — повлекло за собой другой страх — «вступать в глубокие личные отношения с отцом своего ребенка». Можно ли, оказывая помощь в решении одних проблем, создавать другие, высшего порядка? На какие «подводные камни» придется наткнуться человеку в житейском море, какие задачи встанут теперь перед личностью? Это та самая «обезьянья лапа» психотерапии, посредством которой пациент, по словам В. Меновщикова, «...при содействии психотерапевта укрепляет негативно-активные тенденции своей личности...» (2006, с. 169).

Принципиальным вопросом в процессе оказания психологической помощи, таким образом, оказывается характер ценностной позиции консультанта, относительно которой в данном случае можно высказать несколько предположений: это либо позиция нравственного релятивизма (идеология многих правд) или «ценностной нейтральности», либо вполне определенные гедонистические установки. Если ценности есть отражение субъективного мира человека (психолога), то он удваивает свой мир в том, кто пришел к нему за помощью. «...мое отражение в другом, то, чем я являюсь для другого, становится моим двойником, который врывается в моё самосознание, замутняет его чистоту и отклоняет от прямого ценностного отношения к себе самому. ... вмешивается неопределённый другой, у него рождается второй ценностный принцип отношения к себе, контекст его самосознания путается с контекстом сознания о нём другого...» (Бахтин, 2000, с. 85). Присваивая себе двойника (ценностный мир авторитетного другого), человек «закрывается» этим другим от подлинного смысла, которого ищет. Субъективный мир психолога удваивается, а истина у малывается, хотя и не перестает жить ни в том ни в другом. По словам М.М. Бахтина, человек становится одержим другим. Каков же выход из этой одержимости?

Избежать этого можно, если субъективный мир психолога будет вмещать в себя ценности, созвучные духовному измерению личности, поскольку эти ценности органично отражают потребности и чаяния «духовного Я». Абсолютные ценности, носителем которых может быть психолог, оплотняют тело «духовного Я» клиента. Отрицать, что поверхность проблемы имеет свою причинную глубину, где идет борьба

света и тьмы, значит игнорировать саму суть проблемы. Психолог может стать силой, способной поддержать потенциал добра в человеке, укрепить в нем силу духа, которая поможет ему преодолеть возникшие трудности.

Таким образом, ценности психолога, прямо или косвенно, позитивно или негативно влияют на процесс оказания психологической помощи. Какова бы ни была технология помощи, она лишь инструмент в руках личности.

Случай 2. «Исцеляющее слово»

Эта консультация была проведена в рамках концепции диалога, разработанной Т.А. Флоренской, главной задачей которого является поддержка высшего, духовного Я в человеке. Иногда эта поддержка сопровождается рождением исцеляющего слова. В чём сущность целительно-го воздействия такого слова и как увидеть, отличить его в беседе?

Целительное слово вмещает в себя духовный смысл конкретной ситуации конкретного человека. Оно отражает потребности «духовного Я» человека. Условием действия целительного слова является свободное принятие его человеком, исключающее всякую манипуляцию и навязывание. Воздействие этого слова состоит во внутреннем «централизованном руководстве», которое через осмысление определяет действия человека. Внешне проявление целительного слова может сопровождаться признаками состоявшегося диалога, описанными у Т.А. Флоренской: это катарсис, радость, внезапное озарение, воодушевление и тому подобное.

Что послужило условиями рождения исцеляющего слова и как осуществилась поддержка «духовного Я», мы постараемся показать в описании этого случая.

Женщина 45 лет работает школьным психологом в одной из районных школ. Она охотно согласилась пройти консультацию в учебной группе, так как было видно, что «наболело». Внешне она активна, энергична, доброжелательна. Ситуация на работе видится ей тупиковой, она не тянет объем работы, не находит понимания у администрации, так что подумывает уйти с этого места. Пытается разобраться в причинах неудовлетворенности, но пока не получается.

Проследим ход консультирования с помощью выписок из протокола с комментариями и последующим анализом.

К — У меня получается так, что я всегда виновата, все делаю не так. И на работе не получается, вроде бы и хочется, а чувствую свою ненужность. Хотя сказать, что я лентяйка — никто не говорит. Но чего-то не хватает.

На первом этапе идет попытка выразить наболевшую проблему, что включает поиск причин сложившейся ситуации, который заканчивается осознанием (пока неопределенной) недостаточности: «Но чего-то не хватает».

Далее психолог заостряет внимание на рефлексии «недостаточности» и уточняет связанные с этим моменты. Важным является то, что инициатива такого осознания исходит от клиента. Психолог лишь направляет разговор:

П — Чего?

К — Уверенности в себе. Администрация взвалила лишние обязанности. Я всегда нахожу оправдания, обвиняю администрацию.

Идет уточнение, ввод предположения, которое находит отклик.

П — Вы говорите, Вам чего-то не хватает? Опыта?

К — Да, практического. Я ничего не делаю, чтобы это было. Я не могу потребовать, отстоять себя. Я думала, надо рассчитаться, так как я запуталась... хочется делать, но понимаю, что я виновата.

Видна попытка понять причину беспокойства, но четкого осознания пока еще нет.

П — В чем же Ваша вина?

Клиент пытается определить, в чем ее вина. Попытка эта еще расплывчата, эмоциональна, не приобрела ясных контуров и похожа на желание подступить, прорваться к проблеме, но прорыв этот пока не происходит и не может произойти. Это лишь подготовка к катарсическому осознанию проблемы.

К — Я не могу отказать. Я человек ответственный ... Я плохо объясняла, говорила. Ругаться бесполезно. Писала заявление на расчет — не отпускают. Я не тяну тот объем работы... не могу все тянуть ... не могу найти выхода. Мы бегаем по кругу. Муж говорит: «Ты сама во всем виновата».

Попытка прорваться к более четкому осознанию вины не удается по причине эмоциональной поглощенности ситуацией, выход из которой требует иного видения, лежащего в совершенно иной плоскости. Чтобы раскрыть панорамное видение, позволяющее выйти в иную перспективу, и вывести из эмоционального плена, неясности и запутанности, нужен другой, способный помочь в силу своей особой позиции. Это позиция преображающая: взгляд другого на ситуацию в свете объективных ценностей, носителем которых он является.

Ход диалога меняется, когда психолог пытается выйти в другую плоскость видения проблемы следующим вопросом:

П — Если бы у Вас была возможность делать все, что Вы хотите, считаете нужным, на Вас не давила бы администрация, что бы Вы делали?

Этот вопрос нацелен на осознание и выражение клиенткой своих идеальных желаний и стремлений. И собеседник без труда говорит, что она занималась бы психологией. Работала бы с детьми и педагогическим коллективом.

К — Я люблю детей. Коллектив очень хороший, мне там комфортно.

Далее идет поиск причин, которые мешают заниматься своим делом.

П — В чем проблема? Вы испытываете чувство вины? В чем Вы виноваты?

«Духовное Я» прорывается в сознание, приобретает свои очертания, оформляется в виде ясного и внезапного осознания причин, вызвавших проблему:

К — Я не могу отстаивать свои интересы и в результате страдает мое любимое дело.

Психолог понимает и поддерживает это осознание.

П — Вы уделяете слишком много времени формальностям?

К — Да.

П — Может, к формальностям относиться формально?

Ситуация подходит к более полному осознанию, оформляющемуся в целостном слове (предположении, вопросе), которое явно и неожиданно для всех действует катарсически и воспринимается клиенткой как решение проблемы. Она внезапно начинает плакать, удивляется этому, одновременно радуется и благодарит:

К — Я просто заикнулась, что я не могу, не успеваю (плачет). А теперь расикнулась. Все время что-то давит и давит... Да, действительно, нужно правильно распределять время. Я попробую (плачет).

Попытаемся понять, что произошло в течение этой встречи.

На первом этапе клиентка сама пытается осуществить поиск причин проблемной ситуации и найти выход из нее. Здесь проявляются ее догадки: «виновата», «чувствую свою ненужность», «чего-то не хватает». «Духовное Я» пока не выходит на уровень сознания, но настойчиво пытается это сделать. «Духовное Я» обычно не осознается или смутно осознается человеком, в отличие от «наличного Я», представляющего собой совокупность психологических характеристик человека и состояний его души (Колпакова, 2010).

Попытка углубиться в ситуацию, конкретизировать, в чем она видит свою вину, чего ей не хватает, не дает и не может дать разрешения проблемы, так как не выходит из области «наличного Я», однако несколько расширяет представления о происходящем. Решительный поворот происходит благодаря вопросу, который направляет поиск в другое измерение, в область идеального решения проблемы. Условием, при котором такой вопрос может вывести к обретению смысла, является то, что сво-

бодно избранный идеал находится в согласии с голосом «духовного Я». Как показывает опыт, не всегда идеальное решение проблемы согласовано с «духовным Я». Если человек жестко занимает позицию «наличного я», а «духовное Я» вытесняет, тогда вопрос об идеальном решении проблемы не выводит его в другую плоскость, так как она закрыта от человека собственной «наличной» позицией. Это обстоятельство подтверждает факт, что вовремя и искусно поставленный вопрос является лишь условием диалога, а не «технологией» вывода человека из клетки. Он подобен открытой двери, через которую человек волен выйти или не выйти.

В данном случае идеальное решение проблемы было согласовано с голосом «духовного Я», что позволило успешно разрешить ситуацию. Свобода человека, его выбор определили дальнейший ход диалога.

Решающую роль сыграла ценностная позиция психолога. Это была позиция «духовного Я» извне — точка опоры, которая позволила посмотреть на ситуацию вне эмоционального переживания и поддержать «духовное Я» клиента. Не выявленный голос «духовного Я» подтверждается другим, так же носителем духовного, только находящегося в позиции более целостной, вне эмоциональной поглощенности, в позиции «внеаходимости».

Психолог смотрит на конкретную ситуацию клиентки в свете принципиальной позиции, которая созвучна голосу ее «духовного Я», и это находит отклик у клиентки и воспринимается ею. Это помогает человеку перейти из состояния «изнутри себя созерцания» в состояние «извне себя созерцание» и может рассматриваться как выход из тупика, исцеление. Такой переход возможен при помощи другого, позиция которого позволяет смотреть на ту же ситуацию другими глазами. «Душа — не осуществивший себя дух, отраженный в любящем сознании другого (человека, Бога); это то, с чем мне самому нечего делать, в чем я пассивен, рецептивен (изнутри себя душа может только стыдиться себя, извне она может быть прекрасной и наивной)» (Бахтин, 2000, с. 134).

Как же проявилась ценностная позиция психолога в представленном случае? Минимально. Посмотрим на реплики психолога, взятые из протокола.

П — Чего?,

П — Вы говорите, Вам чего-то не хватает? Опыта?,

П — В чем же Ваша вина?,

П — Если бы у Вас была возможность делать все, что Вы хотите, считаете нужным, на Вас не давит администрация. Что бы Вы делали?,

П — В чем проблема? Вы испытываете чувство вины? В чем Вы виноваты?,

П — Вы уделяете слишком много времени формальностям?

Из этих реплик видна минимальность воздействия и самопредъявления психолога. Скорее это была помощь в продвижении «плода». Часть реплик носят характер вопросов, родившихся из смыслового контекста повествования клиента, его внутреннего диалога. Эти вопросы позволили усилить звучание голоса «духовного Я», его выход в сознание. Другие реплики носят характер предположений, затрагивающих суть проблемы. Они стали возможны благодаря духовному контакту, возникшему в ходе диалога.

Здесь уместно вспомнить диалогический принцип «минимума воздействия». «Важно не воздействовать, но вступить во внутренний диалог и поддержать голос добра, голос духовного Я» (Флоренская, 2004, с. 294).

Выход из эмоциональной и смысловой ловушки окончательно оформился в исцеляющем слове, вместившем обретенный смысл ситуации. Это слово подействовало на клиентку катарсически. Появление исцеляющего слова стало возможным в результате диалогических отношений. Смысл ситуации, который вместило в себя исцеляющее слово, был согласован с ценностями духовного измерения клиентки, что сделало возможным выход из тупика. Выход этот лежал в плоскости ценностной иерархии, которая соответствует голосу духовного измерения в человеке, что сопровождается радостью открытия и освобождения и завершает, ставит точку в решении проблемы. Что позволяет нам утверждать это? Какие ценности были представлены в этом исцеляющем слове?

Это *смысл или ценность порядка* и соответствия (адекватности) предмету. «К формальностям относится формально» — это не значит небрежно, безответственно. Это значит лишь соответственно предмету. Предмет забот — формальности (так определяет это сама клиентка), а соответствующее или адекватное отношение к формальностям — формальное. *Принцип порядка* — это принцип иерархии, ежедневного выбора между главным и второстепенным. Это один из основополагающих принципов жизни, который отразился в этой ситуации во всем ее своеобразии, в ее единственно возможном решении для данного конкретного человека, находящегося в конкретной точке своего развития и конкретных жизненных обстоятельствах. Учитывая, что причиной многих психических проблем является расщепленность личности, поддержание принципа иерархии в человеке помогает его интегрированию, исцелению от своего рода нравственной шизофрении.

Возможно, обретенное слово будет использовано в дальнейшем опыте клиентки как словообразующее.

Таким образом, задача психолога — поддержка «духовного Я» человека. Оказывая поддерживающую помощь, касающуюся высшего духовного уровня, мы, как следствие, имеем возможность справиться с трудностями и на других, подчиненных высшему, этажах.

И в первом и во втором случае клиентам была оказана поддержка, но поддержка разного рода. Различие здесь обусловлено разной ценностной направленностью того, кто ее оказывал, так что значимость ценностной позиции психолога-консультанта становится очевидной.

Оба случая иллюстрируют желание клиента прорваться к себе, к своему «духовному Я», что подтверждает высшую диалогическую природу человека. Поддержит ли его специалист, к которому он пришел за помощью, или удвоит себя, уведет от поисков? Какова мера ответственности за результат взаимодействия? Эти и многие другие вопросы следует задавать себе тем, кто прикасается к душе человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.* Автор и герой. СПб.: Азбука, 2000.
- Бондаренко А.Ф.* Понятийный тезаурус этического персонализма как русской традиции в психотерапии // ж-л практикующего психолога. Вып. 11. 2005.
- Дюркхайм К.* Человечность врача // Московский психотерапевтический ж-л. 2009. № 2.
- Колпакова М.Ю.* Развитие представлений о Я в психотерапии. Челпановские Чтения-2010. Т. 2. Нестор-История. СПб., 2011.
- Колпакова М.Ю.* Корни тревоги. МПЖ. 2003. № 3.
- Меновицков В.Ю.* «Обезьянья» лапа» психотерапии // Московский психотерапевтический журнал. 2006. № 1.
- Флоренская Т.А.* Мир дома твоего. Человек в решении жизненных проблем. М.: Русский хронограф, 2004.

THE INFLUENCE OF THE PSYCHOLOGIST'S PERSONALITY IN COUNSELING USING THE EXAMPLE OF TWO CASES

I.M. KOGAN

Using the example of two consultations an attempt is made to show the role of the psychologist's personality, his axiological position in counseling. A negative and a positive result of two consultations is presented where the final result was deter-

mined by the different axiological position of the psychologist. An experience of building a dialogue in counseling is presented: conditions are considered under which a positive result and the birth of a healing word became possible.

Keywords: axiological position, axiological neutrality, acquisition of a «double», dialogue, «spiritual self», healing word.

Bahin M. Avtor i geroj. Spb.: Azbuka, 2000.

Bondarenko A.F. Ponjatijnyj tezaurus eticheskogo personalizma kak ruskoj tradicii v psihoterapii // zh-l praktikujushhego psihologa. Vyp. 11. 2005.

Djurkhajm K. Chelovechnost' vracha // Moskovskij psihoterapevticheskij zh-l. 2009. № 2.

Kolpakova M.Ju. Razvitie predstavlenij o Ja v psihoterapii. Chelpanovskie chtenija. 2010. T. 2. Nestor-Istorija. SPb., 2011.

Kolpakova M.Ju. Kornj trevogi, MPZh. 2003. № 3.

Menovshhikov V.Ju. «Obez'jan'ja» lapa» psihoterapii // Moskovskij psihoterapevticheskij zh-l. 2006. № 1.

Florenskaja T.A. Mir doma tvoego. Chelovek v reshenii zhiznennyh problem. M.: Russkij hronograf, 2004.